

судьба быть непонятыми, непринятыми. В настоящей работе мы попытались ответить на вопрос, почему же именно эти личности оказались «лишними».

Примечания

¹ Царик Д. К. Тема утраченных иллюзий в романе Болеслава Пруса «Кукла» // Ученые записки Кишиневского государственного университета. Т. 47. Вып. 1. 1962. С. 191–206.

² Прус Б. Кукла. Часть первая // Сочинения. Т. 3. М., 1962; он же. Кукла. Часть вторая // Сочинения. Т. 4. М., 1962.

³ Он же. Эмансипированные женщины. Части первая и вторая // Сочинения. Т. 5. М., 1963; он же. Эмансипированные женщины. Части третья и четвертая. Сочинения. Т. 6. М., 1963.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.2

Я. Е. Белых

Амур и череп: тема любви и смерти в творчестве польского поэта Рафала Воячека

Сборник «Сезон» («Sezon», 1969) польского поэта Рафала Воячека (1945–1971, Wojaszek) представляет собой нелинейное лирическое повествование, которое продолжает традиции сложившейся к середине XX в. «исповедальной поэзии» и наследует ее основные черты: деконструкцию авторитетных дискурсов, чрезвычайно сильную образность, достигаемую посредством нелитературного, вульгарного языка, и переход от традиционных форм стихосложения к верлибру, свободному стиху. С другой стороны, на примере таких стихотворений, как «Erotyk» и «Kochanka powieszzonego», включенных в исследуемый сборник, можно установить, что усвоенные традиции находят в творчестве Воячека своеобразное выражение и заметно обогащаются, преломляясь в его авторском видении.

К теме любви и смерти обращались многие современники Воячека. В частности, представители так называемой «Новой Волны», например, Станислав Гроховяк (1934–1976, Grochowiak), в поэзии которого жизнь осмысливается как долгая подготовка к смерти, а любовь служит эротическим украшением этой подготовки¹. В поэзии Гроховяка значительна разница между двумя состояниями, жизнью и смертью, в то время как у Воячека существование — это «отрицание жизни, которая выпала из непрерывности и последовательности, созданной умом — она перестала быть очевидной и приятной. Такая жизнь — это сама смерть, психическая смерть, акт смерти, ощущение изнасилования и боли, скрывающееся в повседневном. Наводящим на размышления о смерти выражением такого состояния ума, несомненно, является поэзия Рафала Воячека»². Доказательством этого вывода может служить стихотворение «Окно», вошедшее в сборник Воячека «Сезон». В основе лирического сюжета этого стихотворения лежит видение, неразрывно связывающее жизнь и смерть, и лирический герой стихотворения только «наполовину рожден» (польск. *jakby na pół urodzony*)³. Подобные самоопределения лирических героев, характерные для поэзии Воячека вообще, вновь подтверждают абсурдность, гротескность и неоднозначность человеческого существования — жизни. Так, ставшая привычной для поэзии тема любви и смерти воплощается в творчестве поэта через систему образов, условно разделенных на две категории: первые — умышленно взятые Воячеком непосредственно из реальной жизни и мало измененные, введенные в стих как детали быта и будничной жизни лирического героя, и вторые — сюрреалистические, требующие поэтической интерпретации, составляющие основу эстетической системы поэта. При этом в рамках одного лирического сюжета происходит взаимопроникновение этих элементов посредством усложнения стихаagramматическими конструкциями, отсутствием знаков препинания, сплетением женственности (духовного начала) и сексуальности (плотского начала).

Неразрывная связь сексуальности и смерти в поэзии Воячека обусловлена также его видением смерти в качестве женского образа с одной стороны, а с другой — усвоением символистской традиции «соответствий». Так, сочетание условно «прекрасного» (женщины) с отталкивающим (смертью), берущее свое начало еще в американском романтизме и, в частности в поэзии Эдгара По, звучит у Воячека не как вынужденное сосуществование уродливого и прекрасного, а как естественное, единственно возможное соответствие «жизнь—смерть». «Смерть — другая сторона любви», она — это «очаровательная дама, вездесущая в поэзии [Воячека] — с первой книги стихов является смертью, наконец, подтверждая смысл существования поэта... Рождаться невольно, чтобы умереть от нашей собственной воли — это так шокирует, что не очень сложно определить смысл жизни, если мы упорствуем в этом, она ведь должна иметь смысл; но сперва вы должны жить решительно и жадно, среди рисков и неожиданностей, пытаясь не пропустить ни одной из букв человеческого алфавита, ни одну — самую экстремальную — возможность»⁴.

В процессе работы над докладом было выявлено, что эротизм, совмещенный в стихотворениях Воячека с острым лиризмом темы трагической гибели, устанавливает характерную для его поэтического мира прочную связь реального, физического и духовного аспектов любви, однако границы этих понятий не осознаются лирическим героем до конца. Так называемая «сезонность», темпоральность происходящего, в том числе и любви, характерна для первого сборника Воячека и во многом схожа с «порой» или «сезоном» Артюра Рембо, о котором он писал в книге «Одно лето в аду»⁵. Однако если «сезон» Рембо был строго литературным вопросом, то «сезон» Воячека проник во все сферы жизни поэта.

Немаловажно и то, что в литературной жизни Польши 60–70-х гг. XX в. превалируют политические и гражданские мотивы, которые осмысляются Воячеком не как самостоятельные, требующие концентрации на себе силы, но как один из способов познания себя и своего противоречивого отношения к миру (стихотворения «Żydówka», «List do Królowej Polski»).

Таким образом, сборник «Сезон» является наглядным примером глубокого лиризма, выраженного посредством натуралистического, «исповедального» языка, в котором нашли свое уникальное отражение одни из самых востребованных тем мировой поэзии и который составляет важную часть культурного наследия Польши второй половины XX в.

Примечания

¹ *Nawrocki M.* Tego się naucz każdy, kto dotykasz próżni: rzecz o poezji Stanisława Grochowiaka. Kraków: Wydawn. Arcana, 2007. S. 186–188. Здесь и далее перевод мой. — Я. Б.

² *Fostowicz M.* Mięso nieśmiertelności, [w:] Który jest. Rafał Wojaczek w oczach przyjaciół, krytyków i badaczy, pod red. R. Cudaka i M. Maleckiego, Katowice. 2001. S. 207.

³ *Rafał Wojaczek.* Sezon. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1969. S. 56–57.

⁴ *Kolbus E.* Z dziejów krucjaty, której nie było, [w:] tegoż, Kaskaderzy literatury. O twórczości i legendzie Andrzeja Bursy, Marka Hłaski, Haliny Poświatowskiej, Edwarda Stachury, Ryszarda Milczewskiego–Bruna, Rafała Wojaczka. Łódź, 1986. S. 377.

⁵ *Рембо А.* Стихи. Последние стихотворения. Озарения. Одно лето в аду. М., 1982. С. 183.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.3

С. С. Шершнева

Память о сталинской эпохе в художественной культуре позднего социализма: снятие табу (на материале «Дома на набережной» Ю. Трифонова и «Человека из мрамора» А. Вайды)

В своей книге «Кривое горе» историк Александр Эткинд вводит понятие «миметическое горе» и определяет его как «реакцию на потерю, которая символически воспроизводит саму потерю»¹. Исследователь продолжает: «Идут года, поколения сменяют друг друга, и миметическое горе перемещается все дальше в виртуальные пространства искусства,